

С. Д. ЧЕРВОНОВ
ИСПАНСКИЙ
СРЕДНЕВЕКОВЫЙ
ГОРОД

ЕВРАЗИЯ

С. Д. ЧЕРВОНОВ

ИСПАНСКИЙ
СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД

Санкт-Петербург
2018

ББК 63.3(0)4
УДК 94(460)023
Ч 45

Червонов С. Д.

Ч 45 Испанский средневековый город / Редакторы-составители: О. В. Ауоров, Е. И. Щербакова, Н. И. Мойса, А. А. Астайкин. — СПб.: «Евразия», 2018. — 496 с.

ISBN 978-5-8071-0388-8

Книга представляет собой комплексное исследование социально-экономической, административной и военной истории городов Центральной Испании X – XIII вв., входивших в состав средневековых королевств Кастилия и Леон истории средневековых городов Центральной Испании, осуществленное замечательным историком-испанистом Сергеем Дмитриевичем Червоновым (1955-1988). Основываясь на тщательном анализе юридических документов, в первую очередь – городских хартий и судебных (фуэро), он сформировал целостную картину городской истории Кастилии и Леона в эпоху Реконкисты, основные положения которой сохраняют научное значение и в настоящее время. В книгу включены также воспоминания друзей, коллег и учеников историка.

Монография адресована ученым-медиевистам, специалистам по истории и культуре Испании, студентам и всем интересующимся историей и историографией Средневековья, а также историей исторической науки и Московского университета.

- © Червонов С. Д., текст, 2005, 2018
- © Ауоров О. В., Астайкин А. А.,
Мойса Н. И., Щербакова Е. И., составление, 2018
- © Юрченко К. А., дизайн обложки, 2018
- © Оформление, ООО «Издательство
«Евразия», 2018

ISBN 978-5-8071-0388-8

О. В. АУРОВ:¹
СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ ЧЕРВОНОВ
И ЕГО ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ ИСПАНСКОГО
СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА

«Nabent sua fata libelli» — «У книг есть своя судьба». Эти слова римского грамматика Теренциана Мавра привел в послесловии к книге «Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств: (до середины VI в.)» историк из ГДР Ригоберт Гюнтер. Ко времени, когда вышла из печати его книга (параллельно на русском и немецком языках²), написанная совместно с видным советским медиевистом Александром Рафаиловичем Корсунским, соавтора уже не было в живых. Он не дождал четыре года до появления последней и едва ли не самой важной из трех своих монографий. Но, при всей своей важности, посмертное издание текста (пусть и столь важного) не стало (да и не могло стать) фактором, определившим саму память об А.Р.: он ушел из мира уже сложившимся ученым, признанным не только на родине, но и за ее пределами³.

Судьба книги, которую вы открыли, оказалась иной. Книга об испанском средневековом городе, вобравшая в себя материал

¹ Ауров Олег Валентинович – ведущий научный сотрудник, заведующий кафедрой всеобщей истории Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ШАГИ ИОН РАНХиГС), кандидат исторических наук, доцент.

² Корсунский А. Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств: (до середины VI в.). М., 1984.

³ Биографический очерк и библиографию работ А. Р. Корсунского см.: Памяти А. Р. Корсунского. // Средние века. 1982. Вып. 45. С. 381–382; Научные труды А. Р. Корсунского. / Сост. О. И. Варьяш и А. Е. Москаленко. // Там же, С. 403–406.

и исследовательские идеи одного из самых любимых учеников А.Р. — Сергея Дмитриевича Червонова — должна была выйти из печати много лет назад. Сначала ее готовился выпустить в свет сам автор. Он планировал подготовить свою первую книгу, положив в ее основу кандидатскую диссертацию, блестяще защищенную на Историческом факультете МГУ в 1982 г. Но тогда, казалось, торопиться было некуда: автору исполнилось всего тридцать три года, и вокруг было множество дел, казавшихся если не более интересными, то уж никак не менее актуальными. Среди них на первом месте стояло, пожалуй, преподавание — подготовка к лекциям и семинарам, которые он вел блестяще, в совершенно оригинальной, свойственной лишь одному ему манере. В конце 1980-х годов С.Д. находился на вершине своей преподавательской карьеры. Он уже успел получить тот необходимый опыт, обретение которого снимает чисто технические сложности и превращает преподавание в творчество, в форму самореализации. Вместе с тем он был еще далек от ощущения той горечи привыкания, которая на определенном этапе неизбежна в карьере любого преподавателя, даже самого увлеченного.

Помимо преподавания много сил и времени С.Д. отдавал руководству курсом, который сам набрал и который собирался выпустить. Обычную бюрократическую работу, необходимую ступеньку на пути к ученому званию доцента, он превратил в подлинное служение. И это служение его не тяготило: он не нес крест, он творил. Он и здесь ощущал поле для самореализации. Едва ли до и после С.Д. Исторический факультет МГУ видел куратора курса, столь увлеченного своим делом.

И уж, конечно, никак невозможно было предвидеть страшный день 15 августа 1988 г., когда скорый поезд Ленинград — Москва, в котором он находился, сошел с рельсов в районе станции Бологое. Жизнь оборвалась слишком внезапно. А вместе с ней — и история книги. Она никогда уже не будет такой, какой он выпустил бы ее сам...

Тогда, в 1988 г., коллеги по кафедре и цеху медиевистов, скорбя о происшедшем, высказывали твердое намерение выпустить монографию С.Д. в единственно возможном виде — т. е. опубликовать его диссертацию. Но драматические события, последовавшие вскоре после этого, — глубокий экономический

кризис, распад страны, пропасть, в которой оказалась наука в целом, да и Московский университет, как ее неотъемлемая часть, отодвинули планы издания на неопределенный период. Но время — самый страшный враг научного текста. Любые, самые великие работы имеют тенденцию устаревать. Стоит ли удивляться, что по прошествии нескольких лет к планам по изданию книги уже не возвращались? Казалось, смысл в этом пропал. Так ей не суждено было выйти в свет во второй раз.

Лишь в 2005 г., к 50-летию автора, который навсегда остался для нас 33-летним, буквально «на коленке», мы, несколько повзрослевших студентов его бывшего курса, сумели собрать воедино то главное, что было написано С. Д. Червоновым за его недолгую творческую жизнь, и выпустить в свет, снабдив вступительной статьей и кратким мемориальным разделом. Однако все эти годы нас не покидало ощущение, что сделанное нашим учителем за его недолгую жизнь заслуживает несомненно большего. И вот теперь, в год 30-летия трагической гибели С. Д., благодаря любезному согласию издательства «Евразия», книга нашего учителя выходит в свет уже как самостоятельное и полноценное научное издание.

* * *

Для нас, его друзей, коллег и учеников эта книга — долг памяти. С. Д. Червонову не суждено было оставить после себя полноценной научной школы. Из тех немногих, кто учился у него хотя бы краткое время, немногие нашли в себе силы удержаться в специальности. Его первый аспирант, Владимир Анатольевич Кучумов, которого С. Д. вел де-факто (официальным руководителем была д. и. н., профессор Е. В. Гутнова), защитил диссертацию по истории представительных учреждений средневековой Арагоно-Каталонской федерации уже после смерти учителя. В 1998 г. он оставил научную карьеру и целиком посвятил себя пастырской деятельности в качестве священника Русской Православной Церкви. Елена Евгеньевна Бергер защитила свою дипломную работу, которую готовила под руководством С. Д., также после смерти учителя. Подготовка основной части текста этой работы, а также написание кандидатской диссертации, посвященной судьбе Мигеля де

Сервета, происходили под руководством покойной Ольги Игоревны Варьяш (1946—2003), любезно согласившейся довести учеников С.Д. до защиты их квалификационных работ, но, естественно, выполненных уже в русле ее собственных научных представлений и интересов. В этом смысле Е. Е. Бергер в гораздо большей степени является ученицей покойной Ольги Игоревны, и это еще более справедливо применительно к пишущему эти строки, который успел подготовить под руководством С.Д. лишь курсовую работу в просеминаре на втором курсе. Таким образом, прямых учеников Червонова среди ныне работающих российских медиевистов нет.

Однако в отечественной науке сохранилась проблематика, связанная с историей средневекового кастильского города и историей местного права Кастилии и Леона. Именно этим темам посвятил значительную часть своей научной деятельности автор этих строк, усвоивший научные интересы и принципы С.Д., главным образом, из его работ и в основном уже после трагической гибели своего первого ученого. Разные аспекты проблемы продолжали (и продолжают) разрабатывать и мои собственные ученики, в первую очередь — А. В. Марей (НИУ ВШЭ), посвятивший себя исследованию истории средневекового кастильского права эпохи Высокого Средневековья. Несомненно, без учета научного вклада С. Д. Червонова как родоначальника этого направления будет неполной вся история отечественной школы испанистики, начало которой на рубеже XIX—XX вв. положил Владимир Константинович Пискорский (1867—1910) и которая была продолжена, главным образом, трудами А. Р. Корсунского (1914—1980), учителя С. Д. Червонова, и ученых его школы.

Вместе с тем по прошествии трех десятилетий становится очевидным: не успевший создать собственной научной школы, С.Д. несомненно основал школу педагогическую. Десятки бывших студентов его курса, посвятившие себя преподаванию в высшей школе, усвоили общие принципы работы своего учителя и прежде всего — его отношения к своему профессиональному долгу и своим ученикам. Именно поэтому в настоящее издание включен мемориальный раздел, позволяющий представить методы работы С. Д. Червонова как незаурядного, блестящего педагога. Даже сейчас, обладая педагогическим стажем, сопоставимым

со сроком всей жизни С.Д., я отдаю дань уважения его педагогическому наследию. Конечно, определенная его часть едва ли сохранила практический смысл в эпоху глубокого социального расслоения, «эффективных контрактов» и массового высшего образования. Ныне отношения преподавателей и студентов зачастую определяются совершенно другими задачами и принципами, носят более прагматический характер и едва ли соответствуют идеальным гуманистическим представлениям о целях образования и воспитания. Однако и в этих условиях многие конкретные педагогические идеи С.Д. способствуют подготовке высокопрофессиональных кадров в области истории.

Думается, сказанное в полной мере объясняет как причины издания книги, так и ее структуру.

* * *

Сергей Дмитриевич Червонов родился 15 февраля 1955 г. в Иркутске в семье офицера, который, как и все кадровые военные вел кочевой образ жизни. Вскоре после рождения Сергея семья оказалась в Челябинске, а затем, задержавшись там лишь на короткое время, уже в 1956 г. переехала в Пермь. Именно с этим городом связаны годы детства и юности С.Д. Здесь он учился в школе № 9 (1962—1972), которую с отличием закончил. Тем не менее, по окончании школы ему не удалось сразу же поступить на Исторический факультет МГУ, и, вернувшись домой, он вынужден был пойти работать. В 1972—1973 гг. С.Д. — служащий отдела технической документации Пермского завода химического оборудования. Но весь этот год он напряженно готовится к новому штурму вершины, отказываться от которой был не намерен. И судьба вознаградила его: в 1973 г. он стал студентом университета, который закончил в 1978 г.

Сказать, что С.Д. учился великолепно — значит, не сказать ничего. В его зачетке не было ни одной другой оценки, кроме «отлично». И это при том, что он выбрал для себя одну из самых сложных кафедр Исторического факультета — кафедру Истории Средних веков, с обязательной латынью и целым «букетом» новых языков, которые он добавил к уже известному ему немецкому (диссертация С.Д. включает работы на испанском, итальянском, французском, английском языках). Плюс — старокастильский язык, ибо в качестве страны специализации

была избрана средневековая Испания. Но и этим С.Д. не удовлетворился: он стал изучать арабский, для того чтобы иметь возможность видеть события ранней Реконкисты (их истории была посвящена его дипломная работа) с позиций обеих противоборствующих сторон — как христиан, так и мавров.

Научным руководителем С.Д. при подготовке дипломной работы стал уже упоминавшийся А.Р. Корсунский⁴. Человек непростой судьбы, он был менее всего склонен к сантиментам. Его кандидатская диссертация, выполненная под руководством Н.П. Грацианского (1886—1945), ученика великого В.К. Писковского (1867—1910), была защищена в знаковое 1941 г. незадолго до начала войны, все годы которой А.Р. провел в действующей армии. В 1960 г., при деятельном участии С.Д. Сказкина, он был принят на кафедру истории Средних веков, которую некогда окончил сам, и где до 1945 г. преподавал его собственный учитель.

Коллеги вспоминают А.Р. как замкнутого, немногословно-го человека и чрезвычайно требовательного преподавателя. Однако педагогические принципы А.Р. могут показаться жесткими только на первый взгляд. Работа с ним была проверкой на степень профессионального соответствия: не случайно его ученики заняли видное место в медиевистике 80-х — 90-х годов и во многом определили образ советского медиевиста своего поколения. В их числе (помимо С.Д. Червонова) — такие признанные специалисты, как упоминавшаяся О.И. Варьяш (ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (ИВИ РАН)), В.М. Магидов (1938—2015) (профессор РГГУ), И.С. Филиппов (профессор кафедры истории Средних веков Истфака МГУ), И.Г. Коновалова (главный научный сотрудник ИВИ РАН), В.К. Ронин (доцент Левенского университета (Бельгия)), М.Д. Диманис (ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН), С.Т. Минаков (в течение многих лет — декан Исторического факультета Орловского государственного университета) и нек. др.

⁴ Полную научную биографию А.Р. Корсунского см.: Ауров О.В. Александр Рафаилович Корсунский и его главные труды по истории средневековой Испании // Корсунский А.Р. Готская Испания (Очерки социально-экономической и политической истории). СПб.: Наука, 2018 (в печати).

Показательно и то, что все ученики А. Р. Корсунского неизменно преклонялись перед авторитетом своего учителя. Блестящий знаток раннесредневековых текстов (не только испанских), А. Р. был представителем школы Н. П. Грацианского — В. К. Пискорского, олицетворявшей (наряду с направлением, основанным И. М. Гревсом в Петербургском университете) лучшие традиции русской медиевистики. Для представителей этой школы была характерна ориентация на критический анализ текстов (прежде всего — нормативных⁵) при преимущественном интересе к явлениям социально-экономической истории. Экономические (прежде всего — аграрные) отношения они воспринимали как основополагающий фактор, предопределявший характер социальной жизни⁶. В этом смысле переход ряда ее видных представителей (В. К. Пискорского⁷, Н. П. Грацианского и нек. др.) на марксистские позиции был если не заранее предрешенным, то вполне объяснимым явлением. Взгляды А. Р. Корсунского вполне укладывались в русло этой традиции. Представляется, что то же самое в полной мере можно сказать и о С. Д. Червонове⁸. В этом

⁵ В этом смысле для характеристики методологических принципов школы особенно характерна небольшая статья Н. П. Грацианского «К толкованию термина *villa* в Салической правде» (см.: Грацианский Н. П. Из социально-экономической истории западноевропейского Средневековья. М., 1960. С. 330—345).

⁶ Наиболее последовательные сторонники подобных позиций в Московском университете в 1910-х годах вообще отрицали значимость изучения «неэкономических» сюжетов. В своем письме от 8 марта 1916 г., адресованном профессору В. И. Герье, выдающийся византист А. П. Рудаков, занимавшийся греческой агиографией, жаловался на своих коллег по кафедре всеобщей истории: «Мои коллеги до такой степени пропитаны позитивизмом, экономизмом, социологизмом, что изучение всего остального считается даже нелепым» (Цит. по: Лебедева Г. Е. Александр Петрович Рудаков и его время (К изучению творческой биографии историка). // Рудаков А. П. Очерки истории византийской культуры по данным греческой агиографии. СПб., 1997. С. 280).

⁷ О. А. Добиаш-Рождественская вспоминала, что уже в 1905 г. В. К. Пискорский воспринимал себя (и воспринимался окружающими) как марксиста. См.: Добиаш-Рождественская О. А. Выступление на защите кандидатской диссертации И. В. Арского «Аграрный строй Каталонии IX—XII вв.» (ЛГУ, 29. XI. 1937 г.). // Добиаш-Рождественская О. А. Культура западноевропейского средневековья. М., 1987, С. 239—244.

⁸ От разных людей, а также персонально, автору этих строк доводилось слышать от С. Д., что его материал в полной мере подтверждает правоту марксистских взглядов на историю Средневековья.

смысле ни замечания о приверженности методологии марксизма во вводной части его диссертации, ни перечень работ К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, открывающий библиографический раздел, не были «костью», брошенной политической цензуре: С.Д. действительно думал так (или почти так), как писал. Столь же искренне он обрушивался на своих зарубежных оппонентов за неприятие тезиса о первичности факторов социально-экономического характера, за их приверженность «формально-юридическому подходу». Не случайным было и его чрезвычайно раннее по тем временам (уже на четвертом курсе) вступление в число кандидатов в члены КПСС (почти беспрецедентный случай для университета) и последующее, уже в статусе преподавателя, пребывание в составе парткома факультета.

Однако, будучи последовательным марксистом и убежденным коммунистом, он делал свои выводы, исходя не из марксистских историософских представлений как таковых, а из данных многочисленных изученных им источников. Его заслуга состоит уже в том, что он впервые ввел в оборот отечественных испанистов столь важный источник, каковым для пиренейских стран являются фуэро — своды местного права. Он дал исчерпывающую характеристику главной группе этих нормативных текстов — т. н. «семейству фуэро Куэнки» (или «Куэнки-Теруэля», как ее еще называют). Помимо нормативных источников, он первым ввел в научный оборот в СССР такие важные памятники средневековой кастильской историографии, как «Готская история» Р. Хименеса де Рада, «Хроника заселения Авилы» и некоторые другие. А ведь их еще надо было разыскать в библиотеках Москвы и Ленинграда, что само по себе требовало большого времени и сил!

Вместе с С.Д. в отечественную медиевистику вошли сюжеты, ранее даже не затрагивавшиеся нашими медиевистами (за исключением лапидарных замечаний В. К. Пискорского). К их числу относятся особенности испанского средневекового города, феномен пиренейской территориальной общины — консехо, статус местного кастильского рыцарства (по испанской традиции он упорно называл его представителей «кабальеро-вильяно» или «кабальеро-сьюдадано») и нек. др. В общем, достаточно сравнить тексты С.Д. с изданным текстом спецкурса

его учителя «История Испании IX–XIII веков» (в свое время звучавшим как откровение), чтобы понять, сколь многое успел сделать С.Д. за свою трагически короткую жизнь. Правда, в исследовании всех этих сюжетов С.Д. шел параллельно с другим учеником А. Р. Корсунского — С. Т. Минаковым, работавшим с североиспанским материалом. Тем не менее, при всем уважении к последнему, право первенства следует признать все же за С.Д., и не только потому, что его товарищ защитился двумя годами позднее (в 1984 г.). И если верно то, что в науке важнее поставить проблему, чем решить ее, то уже в силу этого следует признать значительность вклада С. Д. Червонова в историю отечественной медиевистики.

Учеба С. Д. в аспирантуре пришлось на 1978—1981 гг. После успешной (как уже говорилось) защиты (1982 г.) он был оставлен на факультете в качестве ассистента кафедры Истории Средних веков. Показательно, что руководство факультета ходатайствовало перед ректоратом о предоставлении С.Д. московской прописки и служебного жилья и добивалось этого, пока не получило положительный ответ. Перед молодым преподавателем открывались перспективы быстрой и успешной научной, да и административной, карьеры. Через четыре года он уже старший преподаватель, начальник курса. Доброжелательность в общении и коммуникабельность позволили ему построить ровные и даже дружеские отношения с коллегами, а большинство студентов «его» курса просто боготворили своего куратора.

* * *

И здесь самое время поговорить о С.Д. — преподавателе. По прошествии десятилетий из памяти стерлись многие значимые детали, а ведение дневников, к сожалению, так и не вошло в привычку. Тем не менее, обаяние личности С.Д. и степень его влияния на формирование моего собственного преподавательского кредо оказались столь велики, что самое важное и существенное вспоминается без значительных усилий.

Первая и ключевая черта педагогического метода С.Д. заключается в его отношении к студентам, основу которого составила свойственная моему учителю гуманистическая в своей

основе вера в людей, значимость творческого начала их личности, высочайшей ценности каждого человека как такового. Благодаря этому складывалась та уникальная атмосфера личного доверия и взаимной симпатии между преподавателем и студентом, которая определяла характер не только личных, но и профессиональных отношений. В результате возникали наиболее благоприятные психологические условия для совместной работы, когда и похвалы, и замечания учителя воспринимались как руководства к действию, а мотивация дополнялась стремлением всеми силами оправдать доверие преподавателя. Надо ли говорить о том, что подобные отношения — далеко не правило в академической среде, отношения в которой проникнуты конкуренцией и личными амбициями? Где слишком часто занятие руководящей должности воспринимается как возможность для унижения менее удачливых коллег, сведения личных счетов и поддержки завышенной самооценки вышестоящего?

Остается только догадываться, каким образом С.Д., являясь частью этой среды и поддерживая ровные отношения с коллегами, смог оставаться вне традиционной модели академических взаимоотношений. Мы никогда не воспринимали его как равного себе — его авторитет был непререкаем. В то же время этот авторитет вовсе не предполагал страха, раболепия и лести со стороны нижестоящего. Существенная деталь: С.Д. обращался к нам только по имени (в противовес бюрократической манере именовать по фамилии), но при этом неизменно на «Вы», и в этом обращении не было ни грана бюрократической отстраненности, а звучало лишь глубокое и искреннее уважение к человеку как таковому. До сих пор высокомерное «тыканье» студентам, аспирантам и техническим сотрудникам, которое подчас практикуют коллеги, даже весьма достойные в профессиональном и личностном отношении, вызывает у меня внутреннее неприятие: слишком уж прочной оказалась червоновская выучка.

Вторая особенность червоновского метода (прямое следствие первой) — живой и искренний интерес наставника к его ученикам, готовность вникнуть, понять и помочь. В основе этого подхода лежала, как мне кажется, глубокая убежденность

в отсутствии четкой границы между профессиональным и личностным, в том, что цель преподавания состоит не только в подготовке профессионала, способного грамотно построить свою служебную карьеру, но и в воспитании личности.

В принципе, подобное представление характерно не только для русского интеллигента (каковым С.Д., несомненно, являлся), но и для убежденного коммуниста (каковым, как уже отмечалось, он являлся тоже). Это стремление было сродни идеалистической цели создания «нового человека», свойственное всем известным в истории утопиям — от ренессансной до коммунистической. Хорошо известно, сколь неоднозначными являлись последствия попыток реализовать эту цель применительно к обществу в целом. Но то, что слишком часто обращается в свою противоположность по отношению к целым обществам, совершенно не обязательно «не работает» в случае конкретного человека.

Подобно квалифицированному врачу, осознающему, что он лечит не болезнь, а больного, преподаватель способен добиться серьезных достижений в своей профессии лишь осознав, что предмет его усилий — не абстрактный набор знаний и навыков, а конкретный человек, обязанный их усвоить. Сверхзадача наставника — передать своему ученику то представление о роли и месте профессиональных занятий в образе жизни, модели мышления и системе ценностей, которые свойственны ему самому. Лишь в этом случае необходимый комплекс знаний и навыков будет не только усвоен, но и станет основой для дальнейшего (с течением времени — все более самостоятельного) самосовершенствования в профессии.

Добиться же этого без учета личных особенностей ученика и его жизненных обстоятельств практически невозможно. Любое необдуманное действие и/или замечание способны нарушить (или даже разрушить) мотивацию молодого человека, личность которого еще окончательно не сформировалась и находится в процессе становления. Способность разделять личное и профессиональное в замечаниях вышестоящего приходит лишь с возрастом и жизненным опытом, да и тогда (признаемся честно) в большинстве случаев оставляет негативный осадок. В случае же студента и аспиранта такая ситуация может стать фатальной.

За полтора с лишним года тесного общения не помню, чтобы С.Д. хоть раз повысил на меня голос даже тогда, когда делал мне замечания. Кажется, я не давал ему особых оснований для осуждения, но даже если таковые и возникали, в ход шла неповторимая червоновская ирония. Так, например, когда однажды, в начале второго курса, я, еще относительно слабо знавший испанский язык (тем более что из-за военной службы практически пропустил целый учебный семестр), усомнился в своей способности должным образом выполнить одно из его (действительно трудоемких) заданий — перевести на русский язык Пространное фуэро Сепульведы — важный памятник местного кастильского права, датируемый концом XIII в., в издании Э. Саэса. Проблема была не только в том, что текст фуэро был написан на средневековом кастильском, довольно сильно отличающемся от современного испанского языка, но и в объеме как самого текста, так и глоссария, насчитывавшем сотни страниц. Сделать это предлагалось студенту, изучавшему язык чуть более одного семестра и успевшему освоить лишь самые азы испанской грамматики.

В ответ я услышал рассказ об одном из эпизодов его общения с А. Р. Корсунским. В ответ высказанные последнему сходные с моими сомнения, возникшие в процессе работы С.Д. над переводом раннесредневековых астурийских текстов, А.Р. пошутил: «Не можете сами выучить язык — оплачивайте переводчика». Но, — продолжал С.Д., — откуда у студента из провинции деньги на оплату переводчика? Пришлось сидеть ночами, но (это было произнесено с нескрываемой гордостью) работа была сделана. Таким образом, казус, способный стать основой для осуждения, был использован для моральной поддержки и создания новой мотивации: мой преподаватель, зная о моих проблемах, несмотря на это, выразил явную уверенность в том, что, несмотря ни на что, мои способности вполне сопоставимы с его собственными, а потому, если он сам справился с трудным заданием, то это по силам и мне.

До сих пор помню, сколько времени и сил отняла у меня эта работа. На три с лишним месяца я буквально поселился в Библиотеке иностранной литературы, куда отправлялся почти каждый день после занятий и где проводил все выходные, работая над письменным переводом фуэро. Я занимал в читальном зале

целый стол, выкладывая на него издание Э. Саэса и испанско-русский словарь. Порой от изнеможения я засыпал, падая лицом на книгу, но дело двигалось. Начал с перевода нескольких строк текста фуэро в день, постепенно нарастив скорость до одной-двух страниц, а под конец нередко получалось и больше. Каждые две недели я представлял С.Д. очередной переведенный фрагмент. Поначалу все приходилось переделывать, и нередко — не по одному разу. Но в итоге я втянулся и не только освоил азы средневекового кастильского, но и существенно подтянул свой испанский. Я бы никогда не сумел этого сделать, если бы не стремление не упасть лицом в грязь перед С.Д.

Вспоминаю, что мы были буквально избалованы тем, в какой мере наш начальник курса входил в наши личные проблемы и обстоятельства. Мы всегда могли ожидать от него совета и помощи даже в делах, не имевших прямого отношения к учебе. По прошествии многих лет понимаешь, что многое объяснялось молодостью нашего наставника и отсутствием у него семьи, неизбежно требующей времени и сил. Многие — но не все. Ведь совсем нередко приходилось встречать преподавателей и другого типа — кстати, также не обремененных семьей и малыми детьми, но весьма заикленными на уникальности своей персоны, — под холодным взглядом которых не возникало даже мысли о возможности сослаться на личные обстоятельства (включая драматические и даже трагические) даже тогда, когда в этом существовала реальная необходимость. Червонов же, человек, щедро одаренный лингвистическим и научными талантами, в первую очередь, обладал талантом человеческим, который и был, как мне кажется, самым главным.

Третья особенность преподавательского метода Червонова-преподавателя выражалась в содержательной стороне учебного процесса. В противоположность современным увлечениям всякого рода абстрактными методами (типа различных «деловых игр»), цели его были предельно конкретными: обучать будущих исследователей он считал возможным лишь в процессе исследования. Выше я уже привел пример своей работы над фуэро Сепульведы, текст которой в то время еще не был переведен на русский язык⁹. Работая над текстом памятника, я чувствовал

⁹ В настоящее время уже существует перевод Г. В. Савенко: Памятники права средневековой Испании: Фуэро Куэнки. Фуэро Сепульведы. М.: Зерцало-М., 2004.

себя настоящим ученым-первооткрывателем, и эта мысль стала важным мотивом моих действий. Впоследствии, уже будучи преподавателем, я и сам стал работать подобным образом, начиная вводить своих студентов в профессию с перевода малоизвестных, никогда не переводившихся на русский язык средневековых текстов на языке оригинала (латинском или средневековом кастильском). Параллельно усваиваются и осваиваются ключевые азы исследовательской техники — сведения о существующих словарях и справочной литературе, методы работы с ними, принципы составления научных комментариев, стилистике русского языка в ее практическом преломлении и др.

Разумеется, необходимо приложить массу усилий для того, чтобы несовершенный студенческий перевод превратился в полноценную научную работу. Однако дело того стоит, тем более что в процессе редактирования текста (точно так же, как это делал С. Д. Червонов — лицом к лицу с начинающим переводчиком) можно разобрать широкий круг реалий — от персоналий до учреждений, параллельно адресуя студента к специальной литературе. Таким образом, реалии прошлого воспринимаются из первых рук и изучаются комплексно. Это позволяет избежать распространенной практики, когда студент, целиком посвятивший себя усвоению абстрактно воспринятых научных концепций, оказывается неспособен должным образом связать их положения с реалиями, отраженными в источниках. В сознании такого студента литература и источник оказываются помещенными как бы в параллельные плоскости; в итоге, сознательно или подсознательно, все сводится к более или менее последовательному пересказу уже существующих концептуальных представлений, которые лишь «иллюстрируются» «удобными» фрагментами источников, отобранными по случайному (или почти случайному) принципу.

Уделяя первостепенное внимание своим «собственным» студентам, готовившимся писать у него дипломную работу, С. Д. много работал и с теми, кто не собирался специализироваться по истории Средних веков. К сожалению, мне не довелось слушать его лекции; говорят, что, несмотря на молодость и относительно небольшой преподавательский опыт, делал он это мастерски. Однако в течение 1987—1988 учебного года я занимался в его

просеминаре по Средним векам, который он вел в испанской языковой группе второго курса. Темы всех докладов, в обязательном порядке делавшихся студентами во втором семестре, были посвящены средневековой испанской истории, опирались на тщательно отобранные испанские средневековые тексты, некоторые из которых были специально переведены им для нашего просеминара, олицетворяя принципиально значимую для С.Д. связь науки и преподавания. Кроме того, в обязательном порядке привлекалась научная литература на испанском языке. Подобный уровень сложности был уникальным. Излишне, однако, говорить о том, сколь пригодились нам впоследствии полученные знания и навыки.

Наконец, четвертая особенность преподавательской манеры С.Д. состояла в активном использовании в преподавательской деятельности такой формы, как учебная экскурсия. Как известно, родоначальником подобной практики в истории русской высшей школы являлся И. М. Гревс, проводивший свои знаменитые учебные экскурсии по Италии — продолжение его же домашних «дантовских» семинаров. С.Д., разумеется, знал об этом, но и без того он являлся страстным путешественником, о чем сообщают все знавшие его люди. Среди прочего эта страсть выразилась и в организации поездок студентов «червоновского» курса, целью которых являлось прикосновение к «живой» истории, позволяющее существенно уточнить и конкретизировать знания, полученные в процессе обучения.

К сожалению, мне не довелось участвовать в этих поездках, однако ниже (см. раздел «In memoriam») о них довольно подробно рассказывают его коллеги, друзья и ученики. К сожалению, будучи специалистом по истории Испании, С.Д. так и успел побывать в изучаемой им стране: реалии того времени не позволили ему двинуться дальше Восточной Европы. Можно только догадываться о том, с каким азартом рассматривал бы он испанские памятники и музеи, с каким удовольствием проводил бы испанскими маршрутами своих учеников... Всяких раз, когда я бываю в этой стране, меня не покидает ощущение, что он незримо присутствует рядом со мной. Два года назад мне довелось, наконец, посетить и Куэнку, о которой он писал. Даже по масштабам колоссального культурного наследия Испании

этот город впечатляет. Расположенный в знаменитой донкихотовской Ла-Манче, он прекрасен и окружающими горными ландшафтами, и своим живописным расположением на склонах гор, и прекрасным раннеготическим собором, и руинами замка, и висящими над пропастью «висячими домами» XIV века, и дворцами и домами местной знати XV–XVII веков с резными каменными порталами, и роскошными Археологическим и Епархиальным музеями, и еще многим другим (включая, кстати, неповторимую местную кухню).

С.Д. едва ли знал обо всем этом, но, видимо, сама судьба определила его выбор, навсегда связавший имя моего учителя с прекрасным и далеким кастильским городом, отвоеванным у мавров королем Альфонсо VIII.

* * *

Трудно сказать, как сложилась бы дальнейшая жизнь С.Д., если бы не случилось его трагической гибели: в 1988 г. «перестройка», начавшаяся несколькими годами ранее как идеологическая кампания, вступала в свой решающий этап. Наступало время «великого перелома», который принес с собой жуткие потрясения и трагедии, но и широчайшие возможности. Что сейчас говорить об этом? Сослагательное наклонение не имеет смысла.

В первой половине августа 1988 г. С.Д. принимал участие в студенческой практике, организованной одним из ведущих преподавателей кафедры Т.П. Гусаровой. В составе студенческой группы он путешествовал по городам северо-запада России, был в Пскове, Новгороде (где посетил и студентов «своего» курса, находившихся на археологической практике). Конечным пунктом поездки был Ленинград. Здесь С.Д. должен был отделиться от группы и вернуться в Москву: он торопился дописать свою часть статьи «Историческая метрология», которую, совместно с молодым тогда преподавателем М.А. Бойцовым, готовил для выпускавшегося кафедрой сборника «Введение в специальные исторические дисциплины». С.Д. торопился, и не желая провести в пути ночь (чтобы не чувствовать себя разбитым на следующий день, который он не хотел потерять для работы), уже на вокзале поменял билет с ночного поезда на дневной. 15 августа скорый поезд «Аврора» Ленинград — Москва сошел с рельсов в районе станции Бологое. Среди погибших оказался и С.Д...

Статья была дописана уже без него. А сборник вышел с надписью «Памяти Сергея Дмитриевича Червонова посвящается»¹⁰. Увы, злополучная статья оказалась в нем лишь частично: хотя, судя по оглавлению, она должна была занимать страницы 147–173, но на самом деле обрывается уже на с. 160. Невнимательность типографских служащих привела к тому, что ее вторая половина (так же как и начало следующего текста — «Хронология», написанного Т. П. Гусаровой) попросту не попала в окончательный, переплетенный, вариант книги.

Nabent sua fata libelli?

* * *

Имя С. Д. Червонова занимает свое особое место в истории отечественной медиевистики, прежде всего — испанистики. Не стремясь преувеличить научное значение его трудов (на которые судьба отпустила ему слишком краткое время), замечу, что без них эта история была бы неполной. Как она неполна без учета работ И. В. Арского, историка средневековой Каталонии, погибшего на фронте в 1942 г., кратких статей членов кружка медиевистов-испанистов, действовавшего во второй половине 1930-х годов в Ленинградском пединституте им. А. И. Герцена, историка-аграрника С. В. Фрязинова и ряда других исследователей¹¹.

Утверждая это, я отнюдь не стремлюсь впасть в противоположную крайность. Перед читателем — тексты, написанные в 80-х гг. XX в. С тех пор в оборот был введен значительный материал, да и научные дискуссии отнюдь не топтались на месте. Именно поэтому автор этих строк считает необходимым хотя бы вкратце указать на те элементы концепции С. Д. Червонова, которые к настоящему времени подверглись более или менее значимой корректировке.

Первое замечание касается круга текстов, на которых основывался С. Д. Уделив основное время (и силы) работе с фуэро, до того фактически не исследовавшимися отечественными

¹⁰ Червонов С. Д., Бойцов М. А. Историческая метрология. // Введение в специальные исторические дисциплины. М., 1990. С. 147–160.

¹¹ См., напр., о них: Пичугина И. С. Изучение средневековой Испании в советской историографии. // Средние века. 1958. Вып. 13. С. 69–78.

медиевистами, гораздо меньшее внимание он обратил на другие виды источников. К их числу относится прежде всего документальный материал, часть которого являлась для него просто недоступной. Что касается хроник, то историки школы, к которой он принадлежал, сохраняли определенный скептицизм по отношению к ним, а потому и С.Д. обратился к ним в последнюю очередь, скорее иллюстрируя их фрагментами данные, полученные при анализе фуэро, чем рассматривая как самостоятельный (и притом весьма важный) источник. Между тем информация, почерпнутая из таких кастильских хроник, написанных в XIII в., как «Латинская хроника королей Кастилии», «Всемирная хроника» Луки Туйского, а также «Первая всеобщая хроника», позволяют существенно скорректировать сделанные им выводы. Правда, и за пределами тогдашнего СССР должное внимание историческому нарративу было уделено лишь позднее, уже в 90-х гг. XX в. При С.Д. это плодотворное направление, связанное с изучением культуры историописания, а позднее — и исторической памяти, находилось еще в стадии зарождения или даже вообще не успело сложиться¹².

Что касается данных документальных источников, то они также оказываются весьма значимыми и позволяют существенно скорректировать те элементы правовой утопии, которые нашли отражение в текстах фуэро. Да и сами эти тексты ныне воспринимаются по-иному. Взлет интереса к правовой (в том числе — историко-правовой) тематике в последние полтора десятилетия пришелся уже на годы, последовавшие после гибели С.Д. Возрождение школы изучения римского права, венцом которого стало завершающееся ныне издание «Дигест Юстиниана»¹³, новое восприятие проблемы рецепции этого

¹² Назову лишь несколько наиболее значимых работ: Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002 (первое французское издание появилось только в начале 1980-х гг.); Chibnall M. The World of Orderic Vitalis. Oxford, 1984; The Ideals and Practice of Medieval Knighthood. Woodbrige, 1986. P. 86–103; Spiegel G.M. Romancing the Past: The Rise of Vernacular Prose Historiography in Thirteenth Century France. Berkeley, 1993; Idem. The Past and Text: The Theory and Practice of Medieval Historiography. Baltimore, London, 1997 и др.

¹³ Дигесты Юстиниана. Digesta Iustiniani. / Отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. 1–5. М., 2002–2005. Обратим также внимание на фундаментальный

права в Средние века¹⁴ — все это не оставило и следа от прежнего скептического отношения к «формально-правовому подходу», которое исповедовал еще и С.Д. В свете новых данных «пространные фуэро» — главный источник С.Д. — воспринимаются совершенно по-иному, четко встраиваются в контекст истории становления ученой правовой традиции, что само по себе освобождает от излишнего буквализма в интерпретации полученных данных.

Далее. Уже после защиты диссертации С.Д. стал обращать все больше внимание на проблемы историографического характера. Он был привлечен к чтению курса по историографии западноевропейского Средневековья, выступал с докладами на эту тему¹⁵. Ему не суждено довести эту линию до логического завершения. Между тем она представляется достаточно перспективной, поскольку изучение истории становления и развития концепций истории пиренейского средневекового города в контексте политической и идеологической борьбы XIX–XX вв. позволяет понять истоки, роль и значение сложного комплекса историографических мифов, сложившихся за означенный период. Главными из них являются будто бы муниципальный характер системы управления в рамках консехо, характер и статус т. н. «кабальеро-сьюдадано» и т. д.¹⁶

Исходя из традиции изучения западноевропейского средневекового города, утвердившейся в советской медиэвистике

справочник, вышедший из печати уже после гибели С.Д.: Бартошек М. Римское право: Понятия, термины, определения. М., 1989.

¹⁴ См., напр.: Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998 (англ. издание — 1983); Гуревич А. Я. Право. // Словарь средневековой культуры. М., 2003.

¹⁵ См. напр.: Черных А. П. Проблемы истории Средних веков на I Коллоквиуме историков СССР и Португалии. // Средние века. Вып. 49. 1986. С. 330. См. также: García y García A. En torno al derecho romano en la España medieval. // Estudios en Homenaje a Don Claudio Sanchez-Albornoz en sus 90 años. III. Anexos de CHE. Buenos Aires, 1985. P. 59–72; Idem. Derecho común en España: Los juristas y sus obras. Murcia, 1991.

¹⁶ Моя собственная позиция по этому вопросу изложена, в частности, в статье: Ауров О. В. Средневековая территориальная община в Леоно-Кастильской Эстремадуре (об одном историографическом мифе). // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. СПб., 1996. С. 117–130.

и в значительной мере связанной с именем В. В. Стоклицкой-Терешкович (хотя и не только ее)¹⁷, С. Д. рассматривал кастильский город прежде всего как пространство, очерченное внешней линией городских укреплений, в значительной мере противопоставляя его сельской округе (*término*). Между тем в работах конца 1980-х — начала 1990-х гг. основной (и с моей точки зрения) закономерный акцент делается на территориальном характере этого института¹⁸. В связи с этим используемые С. Д. термины «городское землевладение», «городское скотоводство», и вообще противопоставление хозяйственных структур города и округа оказываются в конечном итоге недостаточно корректными.

За последние годы существенные подвижки произошли и в изучении военной организации Кастилии, форм включения в нее консехо. Основополагающая работа по этому вопросу вышла в год смерти С. Д.¹⁹, однако и ее в известной мере следует ныне уже считать устаревшей. В наибольшей степени объектом переосмысления стало рыцарство, в том числе — местное. Ныне уже гораздо сложнее отстаивать представления о кастильских «кабальеро-сюдадано» в том виде, в котором они были сформулированы в 1960-х гг. аргентинской исследовательницей К. Пескадор²⁰. Но С. Д. было уже не суждено ознакомиться с новыми подходами...²¹

¹⁷ Стоклицкая-Терешкович В. В. Основные проблемы истории средневекового города X–XV вв. М., 1960; Левицкий Я. А. Города и городское ремесло в Англии в X–XII вв. М. — Л., 1960; Котельникова Л. А. Итальянское крестьянство и город в IX–XIV вв. По материалам Средней и Северной Италии. М., 1967. и др.

¹⁸ См., напр.: Martin Llorente F. J. Regimen juridico de la Extremadura castellana medieval: Las Comunidades de la Villa y Tierra (s. X–XIV). Valladolid, 1990; Martínez Moro J. La Tierra de la Comunidad de Segovia. Un proyecto señorial urbano. (1086–1150). Valladolid — Salamanca, 1985; Monsalvo Anton J. M. El sistema politico concejil. Salamanca, 1988 и др.

¹⁹ Powers J. F. A Society organized for War. The Iberian Municipal Militias in the Central Middle Ages. 1000–1284. Berkeley — Los Angeles — London, 1988.

²⁰ Pescador de del Hoyo C. La caballeria popular en Leon y Castilla. // CHE, n. 33–34 (1961), P. 101–238, n. 35–36 (1962), P. 56–201, n. 37–38 (1963), P. 88–198; n. 39–40 (1964), P. 169–260.

²¹ Укажу лишь самые важные, с моей точки зрения, работы последних лет: Кин М. Указ. соч., С. 442–450 (американское издание — 1984 г.);

Кроме того, можно принять далеко не все выводы С.Д., касающиеся места консехо в системе феодальной власти Кастилии XII–XIII вв., трактовке таких принципиально важных понятий, как *forum* («*fuero*»), *vicini* (*vecinos*), *boni homines* («*omes buenos*»), «*palatium*» («*palacio*»), «*hereditas*» («*heredad*»), «*pressura*» и некоторые другие. Кроме того, историк рубежа XX–XXI вв. несколько иначе описал бы местные церковные учреждения (в частности, приход), уделив им гораздо больше внимания.

Но даже с учетом сказанного С.Д. было сделано гораздо больше, чем не сделано. Об остальном же судить современным читателям его книги.

Mortimer R. Knight and Knighthood in Germany in the Central Middle Ages. // *The Ideals and Practice of Medieval Knighthood*. Woodbrige, 1986. P. 86–103; Noble P.S. Knight and Burgesses in the Feudal Epic. // *Ibid.*, P. 104–110; North S. The Ideal Knight as presented in some Franch Narrative Poems, c. 1090 – c. 1240. // *Ibid.*, P. 111–132; Forey A.J. Medieval Warfare in the Twelfth and Thirteenth Centuries. // *Viator. Medieval and Renaissance Studies*. Vol. 24. 1993. P. 79–100 ; Coss P.R. The Knight in Medieval England, 1000–1400. Dover, 1996. P. 135–166; Cardini F. Le guerrier et le chevalier. // *L’homme médiéval*. Sous la dir. De J. Le Goff. Paris, 1989, P. 87–128; Флори Ж. Идеология меча. СПб., 1999. С. 223–257 (французское издание – 1983 г.); Flori J. La chevalerie en France au Moyen Age. Paris, 1995. P. 88–107; Fossier R. La Société médiévale. P., 1991, P. 276–280.

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ С.Д. ЧЕРВОНОВА²²

1981

Ремесло и торговля в кастильском городе XII в. по данным фуэро Куэнки. /Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Исторический факультет. М. 32 с. — Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР № 8443 от 10.09.81.

Социально-экономическое развитие кастильского города XI–XIII веков в зарубежной медиевистике // Проблемы истории античности и Средних веков. М. С. 67–82

1982

Города Центральной Испании в XII–XIII веках (по данным фуэро). М. — дисс. к. и. н. (на правах рукописи).

Города Центральной Испании в XII–XIII веках (по данным фуэро). М. — автореферат дисс. к. и. н. (на правах рукописи).

Земледелие и скотоводство в кастильском городе Куэнка в XII в. // Проблемы истории античности и Средних веков. М. С. 56–71.

1983

Две неизвестные редакции кастильско-генуэзского договора 1146 г. из ленинградских собраний // Средние века. Вып. 46. С. 335–343.

1984

Торговля в испанском городе XII–XIII вв. (по материалам фуэро) // Проблемы истории Испании. М. С. 146–157.

²² Перечень не включает учебно-методические материалы, разработанные С.Д. Червоновым (учебные программы, разделы в учебных пособиях и т. п.).

Первые исследования по демографии испанского Средневековья. (Обзор) // Демография западноевропейского Средневековья в современной зарубежной историографии./Реферат. Сб. ИНИОН АН СССР. М. С. 151—167.

1985

Ремесло и ремесленники в городах Центральной Испании на рубеже XII—XIII веков // Социально-политическое развитие стран Пиренейского полуострова при феодализме. М. С. 27—44.

Фуэро Леона. Вступительная статья, перевод и комментарии С.Д. Червонова и О.И. Варьяш // Социально-политическое развитие стран Пиренейского полуострова при феодализме. М. С. 170—181.

1987

О правовой основе взаимоотношений городов и королевской власти на рубеже XII—XIII веков // Городская жизнь в средневековой Европе. М., 1987. С. 157—179.

К вопросу об аграрном характере кастильского города XII—XIII вв. // Россия и Испания: историческая ретроспектива. М. С. 145—153.

1988

Земледелие и сословная структура кастильского города XII—XIII вв. // Классы и сословия средневекового общества. М. С. 138—143.

1990

Историческая метрология // Введение в специальные исторические дисциплины. М. С. 147—160 (совместно с М.А. Бойцовым).